

A man with dark hair, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie, stands on the left. A woman with dark hair styled in an updo, wearing a black and white Victorian-style dress with a white apron, stands on the right. They are in front of a large, ornate house with a red roof and greenery in the background.

Оливия
Гранде

НА ПОБЕГУШКАХ
У МАЖОРА

Оливия Гранде

На побегушках у мажора

«Автор»

2026

Гранде О.

На побегушках у мажора / О. Гранде — «Автор», 2026

— Да, очнитесь вы, наконец! — отвечаю я своему директору хорошую оплеуху.— Дура! С сегодняшнего дня ты уволена!— Что? Разве это честно? Я плохо работаю? — вырываются у меня справедливые вопросы.— Ты плохо подчиняешься начальству, Анна.— А разве в перечне моих обязанностей есть пункт «спать с начальством»?— Была бы умнее, давно заняла бы пост финансового директора и не зарывалась бы с головой в бухгалтерскую документацию как страус. Посмотри на Томочку, на Светлану — цветут и пахнут. Думаешь, это у них талантов много, так стремительно взбираться по карьерной лестнице? Талант у них один, известно какой, — одергивает пиджак начальник и подмигивает мне. Кредиты, ипотека, маленький ребенок, а я одна и без работы. Кажется, моя жизнь рушится.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Оливия Гранде

На побегушках у мажора

Глава 1

— Да что вы себе позволяете? Уберите руки! Федор Михайлович, опомнитесь! — ору я на начальника, отталкивая его от себя. — Прекратите!

— Смотри, какая недотрога! Ну что тебе стоит, жалко что ли? Я соскучился по женской ласке, по красивому женскому телу. Моя жена укатила в отпуск. Дом в нашем распоряжении, поехали, а?

— Да, очнитесь вы, наконец! — отвечаю я ему хорошую оплеуху.

Мне никогда раньше не доводилось награждать мужчин пощечинами, но вот настал этот момент. Моя рука во время удара чувствует колючую щетину и даже зубной ряд моего обидчика — настолько он меня разозлил.

— Довольны? Довели меня до крайности. Впредь не подходите ко мне ближе, чем на два метра — вот мое слово!

— Дура, — гневно бросает мне начальник и одновременно интенсивно растирает свою щеку. — Да, я к тебе никогда больше не подойду. А знаешь, почему? Потому что с сегодняшнего дня ты уволена!

— Что? Разве это честно? Я плохо работаю? — вырываются у меня справедливые вопросы.

— Ты плохо подчиняешься начальству, Анна.

— А разве в перечне моих обязанностей есть пункт «спать с начальством»?

— Была бы умнее, давно заняла бы пост финансового директора и не зарывалась бы с головой в бухгалтерскую документацию как страус. Посмотри на Томочку, на Светлану — цветут и пахнут. Думаешь, это у них талантов много, так стремительно взбираться по карьерной лестнице? Талант у них один, известно какой, — одергивает пиджак начальник и подмигивает мне.

— Тамара Георгиевна и Светлана Валерьевна?.. Вы с ними?.. Как это понимать вообще? Что же это творится у нас в офисе?

— Но-но, особенно здесь не выступай. Они свое дело знают и с начальством на одной волне. Лучше одумайся, Аня, пока я добрый и даю тебе еще один шанс. А это, — вновь трет свою щеку Федор Михайлович, — я буду считать элементом твоего флирта.

— Нечего здесь думать! В отличие от Светланы и Тамары у меня есть гордость и совесть. Я пришла сюда исключительно работать головой, а не телом, так что уймите свои фантазии.

— Тогда вот, — дает он мне чистый лист бумаги, — пиши по собственному желанию, ставь дату и проваливай на все четыре стороны. На твое место давно очередь: красавицы — не хуже тебя да поговорчивее.

Молча подписываю бумагу, швыряю ему в лицо и выхожу из кабинета. Иду по коридору, а у самой руки трясутся и ноги подкашиваются. Это же крах всему! Я потеряла работу, а значит доход, и теперь медленно буду падать в финансовую яму.

Накоплений нет, только кредиты да ипотека. Как жить дальше? Нам с сыном некому помочь. Даже денег занять мне не у кого.

— Нина, привет, — хлюпаю носом в трубку телефона.

— Привет, подруга. А что стряслось, по какому поводу слезы?

— Встретиться нужно. У меня проблемы. Сможем прогуляться?

— Прямо сейчас?

— Ага. Иначе я рискую растолстеть: сейчас куплю себе сладостей и буду заедать свое горе.

— Все, выхожу. Без меня не ешь. Так уж и быть, помогу тебе в этом нелегком деле. Будем горевать вместе.

И вот, мы с Нинкой уже сидим в парке на скамейке и вместе поедаем очередное пирожное. Определенно, вдвоем горевать интереснее.

— Что, прямо полез к тебе? Вот нахал!

— Человеку 62 года, почти лысый, а все остановиться не может. Судя по его рассказам, половина женской аудитории офиса побывала в его койке, пока жена прохлаждалась где-то в санаториях.

— Вот кобель! Был бы хотя бы моложе, симпатичнее, могла бы и уступить.

— Ты с ума сошла? Зачем мне это? Я человек другого склада, ты же знаешь. Мне любовь нужна, чувства. После Артура у меня никого не было.

— Четыре года, как развелись, а ты все никого к себе не подпускаешь.

— А мне и не нужен никто. Вадику пять лет, он уже все понимает. Было бы странно, если бы я привела в нашу квартиру постороннего мужика и заставила бы сына называть его папой.

— Но ведь крест на себе ставить — тоже не дело! Посвятить всю жизнь сыну — неправильное решение. Ребенок вырастет эгоистом.

— Да ты что?! Мой Вадим очень добрый мальчик. Он меня так любит, всегда чувствует мое настроение, помогает по дому.

— Эх, Анька! А жить-то теперь как? С долгами, с ребенком на плечах. Был бы мужик — хотя бы помощь и поддержка какая-то, а так все самой разгрести придется.

— Да... — начинаю я новое пирожное.

— И я, как назло, на мели. Помочь ничем не могу, подруга. Сама едва ли свожу концы с концами.

— Знаю, Нина, знаю, — тяжело вздыхаю я от накатившего чувства безысходности. — Мне бы работу. Хорошую работу, денежную.

— Послушай, — неожиданно оживляется подруга. — Мне тут на днях знакомая звонила, предлагала пойти работать служанкой в один богатый дом.

Глава 2

— Служанкой? Ты ведь лингвист! Зачем тебе это?

— Вот и я подумала, что мне это не нужно, и отказалась. Там ищут надежного человека через знакомых, ну, знаешь, чтобы все в семье оставалось, никаких разговоров и сплетен. Семья очень известная, богатая. У них обслуживающий персонал — люди сплошь с высшим образованием.

— Отлично! Теперь, чтобы стать горничной, нужно написать кандидатскую диссертацию. Дожили!

— Не пойдешь?

— погоди, ты это мне хочешь предложить?

— А почему бы и нет? В твоём положении — это кажется неплохим вариантом. Вот, гляди, — протягивает мне Нина смятую записку с номером телефона, именем и какими-то цифрами.

— Что это? — смотрю я на внушительное шестизначное число на бумажке.

— Возможно, твоя будущая заработная плата.

— Ты шутишь? Столько? Сейчас столько получают горничные? — округляются мои глаза.

— Да уж, это не копейки в твоей бухгалтерии.

— И ты отказалась?

— Да, отказалась. Свобода дороже.

— То есть как это, Нин, о чем ты?

— Я девушка свободная, мне нужно искать спутника жизни, а там берут служанок только с переездом в особняк. Условие такое. Так что, пойдешь? Замолвить за тебя словечко?

— погоди, но у меня Вадик. С ребенком, наверное, не разрешат.

— А я спрошу. За спрос денег не берут.

Как быстро все может меняться в нашей жизни. Сегодня утром я шла на работу с мыслями о том, как буду сводить дебет с кредитом в ежемесячном отчете. Потом мне казалось, что мир рухнул в один момент, когда начальник меня уволил, и вот сейчас я уже размышляю на тему новой работы, которая, вероятно, будет с переездом.

Вечером не нахожу себе места.

— Мам, что-то случилось? — подходит ко мне Вадим. — Праздника никакого нет, а у нас куча сладостей на столе. Ведь много сладкого — вредно для организма, ты сама мне это говорила.

— Да, малыш, говорила, так оно и есть. Но сегодня сделаем исключение, — целую я в макушку своего сыночка.

— И я могу съесть еще одно пирожное?

— Можешь. Но только одно. Не повторяй моих ошибок: я съела три, и теперь у меня болит живот.

— И от этого плохое настроение?

— Ах, ты мое сокровище, все-то ты замечаешь. Да, от этого, — хожу я из стороны в сторону в ожидании звонка подруги.

Нина обещала вечером разузнать всю информацию по поводу работы и вернуться с обратным ответом.

— Мамочка, не волнуйся. Мы тебя сейчас полечим таблеткой, и животик болеть не будет.

— Хорошо, мой зайка, — провожу рукой по кудрявым волосам сына.

Какой же он замечательный — мой милый мальчик. Это самый желанный и самый любимый ребенок на свете. Я так его ждала. Родила Вадима поздно, в 30 лет. Было непросто: плакал

подолгу ночами, не хватало грудного молока. Муж не выдержал появления ребенка в нашей семье и сбежал, когда Вадику было всего три месяца.

Пеленки, распашонки — не его это. Артур занимался машинами, сильно уставал в авто-сервисе, а тут дома постоянные истерики малыша. Да и я перестала уделять внимание мужу в том объеме, как было раньше, до родов. Артур ушел, а позже мы развелись.

Сейчас мне 35 лет, и я понимаю, что жизнь стремительно проходит. Мужчин рядом вьется много, но все не то. Нет ни одного человека, с которым мне хотелось бы соединить свою судьбу, никто не годится на роль отца Вадима. Вот я и решила, что мы с Вадиком будем жить одни.

— Ань, ну все. Можешь собирать шмотки, — звонит Нина.

— В каком смысле?

— В прямом. Собирай чемодан. Много вещей не бери, там тебе выдадут униформу на каждый день недели. Приготовь все для Вадима.

— Ты хочешь сказать, что меня берут на работу и разрешили переехать туда с сыном?

— Ну, конечно! Соображай быстрее, пока не передумали.

— Нина, а про зарплату — правда, не обманут?

— Анька, это не те люди, которые врут. Им человек надежный нужен, понимаешь? Так что будь умницей: держи язык за зубами, поменьше трепайся, исполняй указания. Будешь хорошо себя вести — выплатишь свою ипотеку за полгода. Полегче будет.

— Ох, было бы очень хорошо. Спасибо, подруга, выручила. Даже не знаю, чем тебя отблагодарить?

— Я знаю: купишь мне торт с первой зарплаты. Договорились?

— Договорились.

— Завтра утром за вами заедет водитель. Черный мерседес, номер — три пятерки. Машину ты сразу узнаешь, будет блестеть, как лысина у твоего бывшего начальника, — смеется Нина, довольная, что удалось меня пристроить.

— Спасибо, дорогая! Спасибо!

Бессонная ночь позади, чемодан собран, и вот, мы уже едем с Вадиком на крутой черной машине с номером «555» куда-то за город.

Глава 3

Дорога в новый дом кажется мне бесконечно долгой. Подъезжаем к посту охраны, и до меня, наконец, доходит, насколько все серьезно. На КПП стоят огромные ребята с рельефными плечами, заметными даже через форму, с автоматами наперевес — какие уж тут шутки.

Едем по коттеджному поселку. Такие дома я видела только в фильмах. Но там-то — декорации, а тут — настоящие. Кто здесь живет? Это же дворцы: один другого выше и богаче. Только и остается — смотреть на всю эту красоту, открыв рот.

Мой Вадик тоже под большим впечатлением. Обычно он очень разговорчив, а сейчас сына словно подменили: смотрит в окно, не моргая.

— Мама, мы здесь будем жить? — решается, наконец, сын задать вопрос.

— Наверное.

Теперь я понимаю, что для местных обитателей та шестизначная сумма, что была написана у Нины на клочке бумаге, ничего не значит. Здесь иные масштабы. Этот поселок с особняками будто другое измерение.

На месте. Машина заезжает на территорию огромного дворца — по-другому я не могу назвать этот особняк в классическом английском стиле. Я ступаю на дорожку из мелкого гравия, который по-особенному хрустит под ногами.

Будто мне снится. Неужели мы с Вадиком будем здесь жить?

— Здравствуйте, Анна! — встречает нас дворецкий в идеальном черном костюме.

В любом другом случае я могла бы подумать, что этот человек музыкант или певец, он вот-вот выйдет на сцену, чтобы исполнить свой номер, настолько он идеально одет и театрально сдержан.

— Здравствуйте. Я по поводу работы.

— Да-да. Меня предупредили. Вас уже ждут.

— Правда?

— Алексей Николаевич и Татьяна Александровна велели проводить вас в кабинет.

— С сыном?

— Да-да, вместе. Им нужно взглянуть на мальчика, чтобы понять, сможет он находиться в доме или нет.

Вот это порядки! Мой Вадим очень скромный и тихий ребенок, но все же это ребенок, а детям свойственно баловаться. Тут меня внезапно окутывает приступ паники. А вдруг мой мальчик случайно разобьет что-то ценное?... Что тогда будет? Я за всю свою жизнь не смогу собрать нужную сумму и расплатиться с хозяевами. Наверное, зря я все это затеяла.

Меж тем дворецкий ведет нас с Вадимом по длинному коридору особняка. Я понимаю, что с моей стороны неприлично так откровенно разглядывать предметы интерьера в доме, в котором находишься впервые, но ничего не могу с собой поделать. Здесь так красиво! Ни один музей, в котором мне доводилось бывать ранее, не произвел на меня столь яркого впечатления.

Быть может, все потому, что я понимаю, в этом особняке люди живут здесь и сейчас, а в музеях-усадьбах, в которых я бывала, настоящая жизнь была когда-то давно. Владельцы этого богатого дома пользуются красивой посудой, ходят по этим коридорам с лепниной, картинами и наслаждаются моментом в данный момент времени. Красиво живут!

Сразу же осматриваю разные статуэтки и вазочки на предмет своего нового страха: примерно прикидываю, сколько мне придется не пить и не есть, чтобы расплатиться за ту или иную разбитую Вадиком финтифлюшку.

— Прошу вас, — указывает дворецкий на огромную деревянную дверь кабинета.

Сердце бьется внутри как сумасшедшее. Это мой шанс, единственный шанс выплыть из бедственного положения и закрыть долги.

— Сыночек, будь молодцом, хорошо? Не подведи маму, — поправляю я рубашечку Вадика и стучу в приоткрытую дверь. — Позвольте войти?

— Да-да, входите.

— Здравствуйте. Меня зовут Анна. Я хотела бы у вас работать.

— Многие хотят, милочка, — поворачивается ко мне женщина лет пятидесяти в длинном платье изумрудного цвета. — А полное имя свое знаете?

— Конечно, простите. Анна Сергеевна Ланская. Мне 35 лет. А это мой сынишка Вадим, ему 5.

— Сынишка, значит? — высокомерно осматривает моего ребенка эта Татьяна Александровна. — Надеюсь, вы держите его в строгости? Шалости в этом доме недопустимы.

— Татьяна, полегче, — вступает в разговор седовласый мужчина в очках, сидящий за столом с кипой каких-то документов.

— Мне порекомендовали вас как исключительно положительную единицу, — читает листок хозяйка дома. — Здесь написано, что вы работали бухгалтером. Так?

— Да, так.

— Почему ушли с этой должности? — сразу же чувствую я на себе цепкий взгляд Татьяны Александровны.

— Меня уволили.

— Вот как? И за что это? Вы оказались слишком положительны? — появляется ухмылка на ее лице.

— Нет. Была другая причина. Я не могу озвучить ее при ребенке.

— Ах, это... Старо как мир. Можете не озвучивать, и так все понятно, — продолжает читать листок эта властная и холодная, как кусок льда из проруби, женщина.

— Мама, я хочу сесть, — шепчет и дергает меня за руку Вадим.

— Подожди немного, — шикаю я на сына.

— Пусть сядет, — слышу я приказ «снежной королевы» и тут же глазами показываю Вадика на стул. — Надеюсь, уголовников, маргиналов в вашем круге общения нет?

— Нет, — с удивлением отвечаю я на странный вопрос хозяйки.

— Учтите, врать бесполезно. Служба безопасности детально изучит всю вашу подноготную.

— Я не боюсь, мне скрывать нечего.

— Вот и хорошо. С сегодняшнего дня ваша жизнь будет совсем другой. Вы станете частью этого дома. Все, о чем вы здесь узнаете, услышите, останется в этих стенах. Понятно излагаю? — спрашивает, но не дает мне вставить слова, хозяйка. — Ваш телефон должен быть выключен на территории усадьбы. Все звонки можно совершать только со служебных смартфонов, которые, как вы понимаете, прослушиваются и просматриваются на предмет утечки информации. Это ясно?

— Да, ясно.

— Перечень ваших обязанностей вам озвучат сотрудники. Жить с сыном будете отдельно, вон в том доме для прислуги, — открывает она тяжелую бархатную портьеру бежевого цвета и указывает рукой на небольшой, но красивый двухэтажный домик.

— Зачем? Все ведь здесь, — напоминает о своем присутствии Алексей Николаевич.

— От детей много шума. Я не хочу, чтобы мои размеренные будни превращались в цирк. Вижу, мальчишка неплохой, но все-таки он мальчишка. Я еще после Егора никак не приду в себя, хотя столько лет прошло.

— Хорошо, но как я оставляю сына там одного?

— А филиппинки в нашем доме на что? Об этом не беспокойся. Им будет за счастье — посидеть с твоим сыном, такую простую работу эти лентяйки любят. А теперь вы свободны.

— Что, простите?

— Вы меня утомили. Можете идти, располагаться.

— Ах, да, конечно, — неуверенно говорю я, потому как не услышала самого главного. Хозяйка сразу замечает мое замешательство...

— Выплата заработной платы дважды в месяц в равных частях. Это хотели услышать? Сумму, насколько мне известно, вам озвучивали. Ступайте.

Жестом показываю Вадику, что нам нужно уходить, и молча, как можно тише, покидаю с сыном кабинет.

Мда... Вот так собеседование. Это было так унижительно, но я ничего не могла сделать. У меня нет выхода. Я вынуждена терпеть такое высокомерное отношение хозяйки этого дома, потому что хочу здесь остаться и зарабатывать деньги. Реальные деньги.

Я понимаю, что нужно засунуть подальше свою гордость и лучше подумать о том, чем я буду кормить собственно сына завтра. Мой выбор очевиден, поэтому я, стиснув зубы, иду с чемоданом туда, куда меня отправили, — в отдельный домик для прислуги.

— Мам, мне здесь не нравится, — вдруг заявляет мне Вадим по дороге в новый дом.

— Почему, малыш? Смотри, как здесь красиво!

— Та злая тетя тебя не любит. Она с тобой грубо разговаривала.

— Да, знаю. Но она королева этого замка, ей можно.

— Никому нельзя! Ты моя мама, я тебя люблю.

— Сыночек, смотри. Вот это наш новый дом. Мы будем жить здесь с тобой вдвоем, та злая тетя сюда приходить не будет. Ты ведь рад, что тебе теперь не нужно ходить в детский сад? Я смогу видеть тебя гораздо чаще, приходить сюда.

— Да, рад.

— Вот и славно.

Кажется, даже сын понял, куда мы с ним попали, но, как и я, почти смирился с действительностью.

Разбираю чемодан. Да уж. Этот коттедж для прислуги можно сравнить с домом, о котором я мечтаю всю жизнь. Просторно, чисто, кругом новая мебель. Только вот все здесь уже кем-то расставлено по полочкам, и нет нашего скромного, но такого милого уюта. Но не беда. Будем привыкать.

Глава 4

— Учись раскладывать столовые приборы правильно: вилки, ложки, ножи должны быть начищены до ослепительного блеска и располагаться на столе идеально ровно в определенной последовательности. Смотри и учись. Если плохо запоминаешь — делай видео. Тебе смартфон уже выдали?

— Нет, Лиза, я пока буду пользоваться своим.

— Аня, не вздумай! Это строго запрещено! Любая фотография из особняка в личном телефоне — повод к увольнению. Разве тебя хозяйка не предупреждала? — шипит на меня Лиза.

— Да, говорила что-то.

— Что-то... Относись к каждому ее слову очень серьезно. Татьяна Александровна суровая женщина, она не любит повторять дважды и ценит нас за то, что мы считываем ее мысли. За столько лет уже научились понимать ее без слов.

— А ты долго здесь работаешь?

— Нет, я мало, всего семь лет, а вот остальные давно.

— Разве семь лет — это мало?

— Наша Луна до сих пор считает меня новенькой.

— Кто это Луна?

— Хозяйка наша.

— А почему Луна?

— Потому что такая же красивая, но холодная, загадочная и далекая от нас, простых людей. Мы для нее — все равно что муравьи. Мелкие людишки, которые копошатся в подсобках особняка — в муравейнике, выполняя возложенные на них обязанности. Заболел — выйди вон из строя, не годишься больше.

— Ты сейчас о ком?

— О той, что была до тебя. Оля. Ей потребовался длительный отпуск в связи с болезнью. Луна ей оплатила и лечение, и с врачами помогла, а потом отправила на все четыре стороны. Сказала, что в доме должен быть чистый воздух, а Ольга может испортить атмосферу.

— Ужас какой! Так и сказала?!

— Да, она у нас слова не подбирает, говорит то, что думает. Ты разве еще не почувствовала на себе?

— Да, было дело. Мой сыночек сразу заметил, что от этой женщины идет какой-то негатив. Так и сказал, что это плохая тетя. А хозяин что? Такой же, как эта Луна?

— Нет, Алексей Николаевич — душка, но под каблуком у жены, так что он абсолютно ничего в этом доме не решает. Его дело — зарабатывать свои миллионы — приносить мамонта в дом, и он с этим успешно справляется, как видишь.

— Вижу. Такая красота вокруг! Даже в домике для прислуги все сделано на высшем уровне.

— Хорошо тебе, повезло. С сыном живете в отдельном доме. Многие из нас хотели бы оказаться на твоём месте, но Татьяна нас всех держит рядом с собой, чтобы ни на секунду не давать нам спуска. Еще этот Егор измывается.

— Егор? Кто это?

— Хозяйский сынок. Мажор. Человека с таким гадким характером еще поискать нужно. А вот и он, — шепчет Лиза, оглядываясь по сторонам, — вспомнишь черта, он и появится.

Мы с Лизой продолжаем раскладывать столовые приборы и ставить посуду на стол с белоснежной скатертью, а я боковым зрением вижу, что к нам приближается молодой человек, лет двадцати, с аккуратно зачесанными вверх волосами.

Молодой симпатичный парень, высокий, стройный, похож на принца из детской сказки. Выходит, что он и есть принц, раз живет в таком чудесном замке с родителями. И совсем он на черта не похож, как его описывает Лиза.

Сразу заметно, что принц любит бренды и готов наряжаться в красивую одежду с самого утра. На часах всего девять, а он уже щеголяет по дому в костюме и галстук, аки английский денди.

— Как, еще не готово? — осматривает стол Егор.

— Нет, сэр, мы постараемся сейчас же все доделать, — натягивает на лицо искусственную улыбку Лиза.

— Сэр? Ты ему сказала сэр? — шепчу я своей новой знакомой.

— Ага. Он учился в Оксфорде и всем приказал так к нему обращаться.

— Какая глупость. Мы же в России, а не в Англии!

— А ты ему это докажи. Перечить Егору нельзя. Единственный сынок в семействе — надежда и опора, хотя в этом я почему-то сомневаюсь. Луна только ему и улыбается, больше никому.

— Что это вы там шепчетесь? Меня обсуждаете?

— Никак нет, мистер Егор.

— А это кто еще? Новенькая что ли? — оценивающе смотрит на меня хозяйский сын.

— Да, новенькая. У меня первый рабочий день, — смело отвечаю я, не ожидая никаких подколов в свой адрес.

— Ах, вот оно что... Вместо Ольги? Так, так, так... Испытательный срок, значит?

— Наверное, так, — становится тише мой голос с каждым словом.

— Как зовут?

— Анна, — першит у меня в горле от волнения, и голос переходит на хрип.

— Анюта, значит.

Какая я ему Анюта? Мне 35 лет! Я старше его лет на 15, чуть моложе матери, а он мне: «Анюта». Эх, была бы моя воля, я бы все ему высказала за эту фамильярность. Лиза замечает мое волнение по поводу внезапно возникшей нелепой ситуации и крепко сжимает мою ладонь, чтобы я вдруг не сорвалась и не наговорила лишнего.

— Нам пора идти, Егор Алексеевич. Разрешите?

— Идите, — высокомерно бросает нам этот сопляк и отворачивается.

Быстро покидаем кухню и идем в подсобку. Лиза тянет меня за руку так, словно я сотворила что-то немыслимое.

— Аня, успокойся.

— Лиза, да что он о себе возомнил? Ты это слышала? Он назвал меня Анютой, будто я его подружка.

— Дорогая Аня, ничего не поделаешь, таковы условия. Мы вынуждены терпеть шалости этого мажора — таков закон этого дома. Ты привыкнешь, только не волнуйся и не руби с плеча. В этом смысле мне, конечно, легче, потому что ко мне он привык, я примелькалась уже, а ты новенькая, понимаешь?.. Он что-то задумал.

— Почему ты так решила?

— По глазам поняла. Слышала, что он сказал про испытательный срок? Будет тебя испытывать, готовься.

— Так как готовиться-то?

— Да, тут ты права. Способов держать удар у тебя немного. Значит терпи. До последнего терпи, раз тебе так нужна эта работа.

Ох, если бы я знала, какие испытания мне готовит судьба, вряд ли согласилась бы на это. Но я должна побороть в себе все страхи ради сына, ради его счастливого будущего.

Глава 5

— Пересолено! — слышу я во время завтрака возгласы Егора. — Соль — это вредно для организма, сколько раз повторять?! А где абрикосовый джем для тостов?

— Ты посмотри, какая ца-ца, — шепчу я Лизе.

— Молчи, — шикает она мне в ответ. — Сейчас принесу, Егор Алексеевич!

— Нет. Пусть новенькая принесет! — вдруг заявляет мажор.

Татьяна Александровна лишь молча бросает взгляд на сына и продолжает есть кашу.

— Да, конечно, — спешу я к столу на кухне, где выстроились в ряд всевозможные банки с соусами, джемами и вареньем.

Нахожу нужное, аккуратно накладываю в креманку и несу на подносе Егору, — все, как мне ранее показывала Лиза. Ничего не забыла, даже салфетку положила рядом на всякий случай.

Подхожу к столу, опустив глаза, и осторожно ставлю поднос на стол, а в это время вижу, как рука хозяйского сына касается моей ноги. Да-да, мне не кажется. Он ко мне прикасается! От неожиданности я вздрагиваю, и... креманка ползет вниз по подносу. Еще секунда, и абрикосовый джем ярким пятном красовался бы на белоснежной скатерти, но я смогла. Я удержала креманку!

Вот же гад! Он меня чуть не подставил! Какой все-таки негодяй этот Егор. Ведь он специально решил поиздеваться надо мной. Естественно, мое «жонглирование» креманкой не остается незамеченным. Татьяна Александровна одаривает меня таким взглядом, что мне хочется тут же провалиться сквозь землю. И я ее не осуждаю за это, ведь она не видела, что ее сынок щупал меня за ногу. Со стороны мои движения, действительно, казались неуклюжими.

— Щенок! Да как он мог! Что за пакостник?! — жалуюсь я Лизе в подсобке. — Ведь он хотел меня подставить! Он специально трогал мою ногу, чтобы я разлила джем. Ты веришь мне, Лиза?

— Конечно же верю! Успокойся. Будь всегда начеку. Это не конец.

— Да уж. Так моей нервной системы не хватит и на неделю.

— погоди, скоро наиграется и отстанет от тебя.

— Ведь я ему почти в матери гожусь, а он так издевается.

— Скажешь тоже — в матери. Ему 23, а тебе 35. Где ты таких матерей видела? Да ты на себя в зеркало смотрела? Красотка, выглядишь моложе. Может, наш паренек глаз на тебя положил, а?

— Лиза, ты что такое говоришь? Сама же его чертом называла, наверное, был повод его возненавидеть, а теперь ко мне его пристраиваешь.

— Да, он нашей крови немало выпил, но так ласково никогда никого не называл, Анюта, — хихикает Лиза.

— Это не ласково, а унизительно, почувствуй разницу! Он хочет показать мне мое место, мол, вы все ничтожества, а я хозяин мира.

— А он и есть хозяин. У них деньги, Аня, а это многое решает. Еще неизвестно, как бы ты себя вела, будь у тебя за душой такое богатство. Наверное, не говорила бы сейчас со мной, а где-то жарилась под мальдивским солнышком.

— Нет, Лиза. У меня отношение к людям другое. Меня воспитывали правильно. Все равно, будь то нищий с протянутой рукой или профессор университета — все мы люди, к каждому нужно по-доброму, по-человечески.

— Короче, философия, идем кухню убирать.

В любую свободную минуту я бегу к своему сыночку, чтобы проверить, как его дела. Первый рабочий день, а я на нервах: утреннее происшествие на кухне, да еще и незнакомый

человек рядом с Вадимом. Эта филиппинка знает только несколько слов на русском языке. Как она сможет понять, что ему нужно?

— Вадик, как ты, малыш? — врываюсь я в домик для гостей и бросаюсь к сыну.

— Мама, мы с Талой собирали конструктор, а потом играли в прятки.

— Выходит, ты не скучал?

— Нет, мам, мне было некогда скучать.

— Ну и хорошо. А кашу вы с Талой ели?

— Нет, она меня накормила бутербродом с колбаской. Она сама ела такой же. Это вкуснее, чем каша, мама.

— Да уж, конечно вкуснее. Нужно будет выучить на филиппинском языке пару ласковых, чтобы твоя няня кормила тебя правильной едой.

— Не злись, она хорошая.

Одно радует: сын под присмотром и вполне хорошо себя чувствует в новом доме. Очень важно создать благоприятные условия для ребенка в период адаптации, я это знаю. Если Егор Алексеевич не доведет меня до ручки своими выходками, возможно, мы задержимся в этом доме надолго.

Каждый новый день работы в особняке накладывает на меня все больше и больше обязанностей. Объем работы огромный, но я вполне научилась со всем справляться. Сложно было запомнить некоторые тонкости, например, какая бутылочка с раствором подходит именно для этого вида ткани и типа пятен.

Были небольшие сложности с уходом за раритетными вазами. Мой страх что-нибудь разбить включается совсем не вовремя, и я могу полчаса смотреть на фигурку из стекла, прежде чем к ней подступить с тряпкой.

Пыль нужно вытирать 24/7 в каждом уголке дома, иначе Татьяна Александровна начинает чихать. Выяснилось, что у нее аллергия на пыль. Остается только догадываться — это реальный диагноз или выдуманная болезнь для муштры прислуги.

С «сэром» Егором Алексеевичем я стараюсь не пересекаться вовсе, это еще одна моя фобия. Если хрупкие старинные вазы боюсь разбить я, то Егор Алексеевич может запросто разбить мою жизнь своими придурковатыми шалостями юнца-переростка.

И вот, однажды вечером, проводя уборку второго этажа, я слышу голос этого мажора, доносящийся из его комнаты.

— Анна, зайди ко мне.

— Я?

— Ты, ты. Разве у нас в доме есть еще Анны? Не припомню.

— Что вам будет угодно, сэр?

— Ой, прекрати. Ладно другие ведутся на этот прикол, но ты-то, ты! Ясно же, что никакой я ни сэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.